

О. А. ВАСИЛЬЕВА <БОКОВА>

Современный русский протестантизм: в поисках себя

По свидетельству протестантов, до утверждения в России свободы совести все силы протестантских церквей были направлены на сохранение, консервацию вероучения, ценностей, практики церковной жизни. В новой России у протестантов появилась возможность свободно исповедовать свою веру, распространять свои убеждения, активно участвовать в жизни общества, то есть более или менее свободно жить и развиваться. Но для русских протестантов такое положение оказалось непривычным. Оно потребовало от них значительной интеллектуальной работы по осмыслению самих себя, своего места в истории и культуре страны.

Общее настроение и состояние русского протестантизма в последние десять лет можно охарактеризовать как поиск новых идей, форм церковной жизни, новых служений. В первую очередь он выражается в саморефлексии, конструировании русскими протестантами собственной идентичности посредством обращения к прошлому протестантских идей и церквей в России.

В настоящее время можно говорить о формировании исторической традиции русского протестантизма. Особое внимание протестантскими авторами уделяется «Великому пробуждению» второй половины XIX в., когда и зародился собственно русский протестантизм в виде штундизма, редстокизма (пашковщины), баптизма. В процесс написания истории русского протестантизма включились видные протестантские историки: М. С. Каретникова, Т. К. Никольская В. А. Попов, С. Н. Савинский, С. В. Санников и другие. За последние годы протестантские издательства опубликовали целый ряд работ, посвященных истории евангельского движения в России и отдельным его выдающимся представителям.

Особое место среди протестантских изданий занимают книги, рассказывающие о трагических судьбах русских протестантов в советское время. Объектом исторического анализа становятся малоизвестные и болезненно воспринимаемые протестантами эпизоды из жизни протестантских церквей в советский период, как, например, раскол 1961 г. Таким образом, происходит осмысление исторического наследия русского протестантизма, озвучиваются имена протестантов, пострадавших за свою веру, происходит героизация некоторых деятелей евангельского движения в России.

В советское время официальным началом русского евангельского движения считалось «духовное пробуждение» второй половины XIX столетия. Часть протестантов придерживалась концепции самобытного происхождения русского протестантизма, другие придавали решающее значение иностранным влияниям. Сейчас большинство протестантских авторов полагает, что вклад западных миссионеров в распространение протестантизма среди русских был минимальным. Общим для них является стремление «удревнить» историю русского протестантизма, доказать, что «дух» протестантизма, или евангелизма, всегда был неотъемлемой составляющей русской религиозности. Подобные идеи развивают представители церкви евангельских христиан-баптистов М. С. Каретникова, С. В. Санников, С. Н. Савинский, В. В. Солодовников, Н. А. Корнилов, а также глава Научно-исследовательского центра Ассоциации Христианских Церквей «Союз Христиан» В. А. Бачинин, президент АХЦ И. Ю. Никитин, преподаватель адвентистской Заокской Духовной академии О. А. Жиганков и другие.

По мнению М. С. Каретниковой, христианство на Русь пришло изначально в двух формах — обрядовой и евангельской. В силу ряда обстоятельств (татаро-монгольского завоевания, большей понятности византийского обрядового христианства массе языческого населения) первая форма стала частью национально-государственной идеологии. Евангельское христианство, которое, по мнению Каретниковой, являлось подлинным христианством, развилось благодаря переводу Библии на славянский язык и присутствием русскому народу напряженным духовным исканиями. Но оно длительное время вынуждено было существовать в виде подавляемой оппозиции по отношению к официальному православию. Носителями евангельских принципов М. С. Каретникова считает митрополита Иллариона, чье «Слово о Законе и Благодати», на ее

взгляд, отражает евангельское понимание спасения, великих русских князей (Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха), а также Кирилла Туровского и Климента Смолятича. Эту линию продолжают стригольники, новгородско-московская ересь, нестяжатели, раскольники, прежде всего беспоповское течение старообрядчества, Григорий Сковорода, духовные христиане (духоборы, молокане). О расколе Каретникова пишет: «Раскол — это наша Реформация, в русском варианте. Это действительно пробуждение сознательной религиозности... Аввакум — это наш Лютер» (*Каретникова М. С. Русское богоискательство. Национальные корни евангельско-баптистского движения // Альманах по истории русского баптизма. СПб., 1999. С. 43*). Для М. С. Каретниковой венцом и итогом истории русского евангельского христианства стало появление во второй половине XIX века русского баптизма.

Во многом родственными концепции М. С. Каретниковой являются взгляды С. В. Санникова на генезис реформационных идей в России. Но он более сдержан и осторожен в оценках. Санников также видит в ряде русских религиозных движений и мыслителей предтеч русского протестантизма. По его мнению, протестантские идеи должны были с необходимостью возникнуть на русской почве: «...общедоступность и широкое распространение понятного текста Священного Писания плюс религиозные искания народа, которые не могли найти удовлетворения в стенах Православной церкви, неизбежно вели к появлению протестантизма» (*Санников С. В. Двадцать веков христианства: Учебное пособие по истории христианства. В 2 т. Т. 2 Второе тысячелетие. Одесса, 2001. С. 512*). Санников расходится с М. С. Каретниковой в оценке раскола, считая его как раз борьбой не за принцип, а за форму. По мнению этого автора, наряду с псевдореформацией (расколом) в России сложилась «устойчивая самобытная традиция радикальной Реформации», которую представляли стригольники, нестяжатели, беспоповцы, а также хлысты, скопцы, духоборы, молокане и, наконец, баптисты.

Исходной методологической посылкой воззрений В. А. Бачина и И. Ю. Никитина на развитие протестантских идей в России является тезис о принципиальном дуализме русской культуры. Этот дуализм характеризуется как наличие в ней «сквозных начал-тенденций» — византизма и евангелизма: «За религиозно-общественной оппозицией византизма и евангелизма просматривается моральная антитеза между механизмами социальной

репрессивности и неизбывной потребностью человеческого духа в нравственной автономии. Внешне этот всеобъемлющий дуализм выглядел и продолжает выглядеть как борьба государственноцентристской модели социокультурной жизни с моделью христороцентристской». «Византизм и евангелизм — два духовных течения, обладающие большой созидательной силой. У них различные культуротворческие векторы. Первый имеет государственноцентристскую природу, а для второго определяющую роль играют личный поиск живого Бога и ценности религиозно-гражданской жизни» (Бачинин В. А., Никитин И. Ю. Истоки конфликта между византизмом и евангелизмом. Исторические портреты Иосифа Волоцкого и Нила Сорского. СПб., 2003. С. 5, 13, 96). Выразителями принципов евангелизма были стригольники, нестяжатели, новгородско-московские еретики. По мнению авторов концепции, залогом поступательного развития России по пути демократизации и создания гражданского общества является привлечение потенциала евангелизма. Концепция В. А. Бачинина и И. Ю. Никитина отличается академичностью и расширенной трактовкой понятия «евангелизм», который рассматривается не только как религиозный феномен, но и социально-политический.

Как правило, все протестантские авторы, которые пишут о национальных корнях русского евангельского христианства, мыслят в системе бинарных оппозиций. При этом, естественно, положительный полюс русской духовности представляют в их концепциях предтечи русского протестантизма. Обрядоверию и коллективной религиозности православия противопоставляется сознательная, индивидуальная вера идейных предшественников русского протестантизма. Законничество и ветхозаветность, по мнению протестантских авторов, — отличительные признаки учения, сознания и практики Русской православной церкви. Действенная вера, нравственная сила, опора на Слово Божие и в первую очередь на Новый Завет — характеристики русских реформационных движений. Православие оценивается как заимствованное извне (от греков) учение, во многом близкое язычеству, не выражающее сути истинного христианства. Евангельское же христианство представляется протестантам подлинным христианством, возвращением к первохристианству. Те реформационные движения, которые воплотили идеи евангельского христианства, отличались антииерархическим, зачастую иконоборческим характером, рационализмом, гуманистической и просветительской направленностью.

Таким образом, современные русские протестанты отождествляют себя не с европейской Реформацией и западным протестантизмом, а с той традицией евангельского христианства, которую они обнаруживают в глубинных пластах русской духовной культуры.

Выявление в русской религиозности протопротестантских идей и создание целых концепций бытования и развития их в русской культуре выполняют ряд задач. Во-первых, они адресованы тем, кого в протестантской среде принято называть «внешними», то есть государству, РПЦ, обществу. Эти теоретические построения должны способствовать отстаиванию интересов протестантских церквей перед лицом претензий РПЦ на духовную монополию, опровергать обвинения в адрес протестантов в том, что их вера имеет западное происхождение и характер и чужда русскому менталитету. Доказательства укорененности протестантских идей в сознании русского народа призваны лишить оснований представление о том, что русский человек по определению православный, и утвердить русский протестантизм в качестве «традиционной» для России религии.

С другой стороны, на более глубинном уровне, появление изложенных выше идей связано с кризисными явлениями и сложными процессами, имеющими место в русском протестантизме в последние годы. Непростые отношения с западными братьями, расхождения с ними по вопросам вероучения, норм церковной жизни делают необходимым самоопределение русского протестантизма. Кроме того, в настоящее время русские протестанты нуждаются в уяснении для самих себя своего «я», своего места в истории России и возможной роли в ее будущем развитии.

